

Псковский регионологический журнал 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Том 17. №3 /2021 Том . 2021

Региональные особенности демографического поведения населения Дальнего Востока России

Сидоркина Зинаида Ивановна

Ведущий научный сотрудник, ФБУН Тихоокеанский институт географии ДВО РАН

Российская Федерация, Владивосток

Аннотация

В статье обращается внимание на проблемы демографического развития на Дальнем Востоке. Низкий уровень и качество жизни снижают привлекательность региона с целью переселения в него для постоянного проживания. Разные социально-экономические и природно-географические условия создают необходимость дополнения демографических программ, учитывающих особенности и условия жизни на Дальнем Востоке. Рассматривается возможность использования для анализа сложившейся ситуации понятия «демографическое поведение». В это понятие включены: естественное воспроизводство, миграция и социальная мобильность населения. Демографическое поведение рассматривается как основной тренд формирования массового поведения, затрагивающий всё население, независимо от его качественного состава. Как положительный пример политики, формирующей массовое поведение, представлены результаты привлечения населения в регион, использовавшиеся при строительстве БАМа, когда практиковалось переселение на строительство целых трудовых коллективов. Представлены результаты авторского исследования по изучению сложившейся дифференциации демографических показателей. В проведённой типологии в репродуктивном и миграционном поведении нет отмечавшихся ранее закономерных различий. В условиях дифференциации демографических показателей, в зависимости от природно-ресурсного потенциала и уровня социально-экономического развития, предложены возможные подходы к решению накопившихся демографических проблем. Уточнены направления стабилизации демографического потенциала Дальнего Востока, с учётом особенностей

сложившейся структуры населения и возможностей преодоления негативных тенденций.

Ключевые слова: динамика населения, демографический потенциал, качество и уровень жизни, Дальний Восток

Дата публикации: 03.11.2021

Источник финансирования:

Статья подготовлена в рамках гос. задания: регистрационный номер АААА-А16-116110810013-5 «Географические и геополитические факторы в инерционности, динамике и развитии разноранговых территориальных структур хозяйства и расселения населения Тихоокеанской России», при поддержке гранта РФФИ №18-05-60103.

Ссылка для цитирования:

Сидоркина З. И. Региональные особенности демографического поведения населения Дальнего Востока России // Псковский регионологический журнал – 2021. – Том 17. №3 /2021 С. 44-57 [Электронный ресурс]. URL: <https://prj.pskgu.ru/S221979310015014-8-1> (дата обращения: 09.05.2024). DOI: 10.37490/S221979310015014-8

¹ **Введение.** Внутренние различия в социально-экономической сфере жизни населения в пределах крупных регионов являются отражением сложной социально-природно-хозяйственной системы. Восточные регионы Российской Федерации дифференцированы по сочетанию природных условий и ресурсов, имеют специфические факторы производства и расселения, различаются по комфортности и стоимости жизни, типам инфраструктурно-производственных комплексов. В экономическом развитии Дальнего Востока не всегда удаётся принимать во внимание эти факторы. Особенно важно учитывать совокупное поведение жителей как основного ресурса будущего развития региона. Слабая заселённость восточных районов, депопуляция и отток населения делают эти территории наиболее проблемными для России [16].

² Процесс деградации демографического потенциала изучен значительно лучше, чем его последствия. Недостаток информации о последствиях миграции (притока мигрантов с низкой квалификацией) для регионов принимающих и регионов-доноров может иметь непредсказуемые последствия. Не ясны вероятные тренды спроса и предложения на необходимую для данной территории квалификацию приезжающего населения.

³ В условиях пространственной дифференциации субъектов Российской Федерации применяется единый подход к демографической политике, не учитывающий региональную специфику, особенности, потребности, традиции населения конкретной территории.

⁴ **Целью статьи** является изучение степени трансформации демографического потенциала в Дальневосточном регионе, определение подходов

к совершенствованию социально-демографического развития с учётом сложившейся территориальной динамики.

⁵ В качестве **информационной базы** исследования выступают данные Федеральной службы и региональных территориальных органов Государственной статистики Дальнего Востока, материалы конференций и периодических научных изданий.

⁶ **Изученность проблемы.** Повышенное внимание руководства страны к региону, приток инвестиций, улучшение жизни в регионе, с одной стороны, и невосполнимая убыль населения уже почти трёх десятилетий, с другой, являются сигналом к особому подходу в решении возникших за эти годы проблем, особенно к анализу сложившихся причин деградации демографического потенциала Дальнего Востока.

⁷ В системе демографических наук актуализируется научное направление, изучающее различия в протекании демографических процессов и структур в регионах различного масштаба. Основная задача сводится к определению главных факторов территориальной дифференциации демографической ситуации, необходимость указать на пространственную неоднородность и разнообразие внутрирегиональных различий.

⁸ Любой регион может быть представлен через соответствующие территориальные общности людей, которые отличаются друг от друга по имущественному признаку, по доходам, по профессиям, по отношению к средствам производства. Они имеют свои интересы и формы их представления. В то же время имеются и общие интересы и потребности. Территориальные общности людей являются носителями хозяйственных, социальных и культурных интересов. Каждый регион представляет собой единство всех элементов общества, тесно взаимодействующие с окружающей средой.

⁹ Для более полного учёта потенциала каждого места в общественной географии выработана совокупность научных подходов. В новых территориальных системах смещается «акцент» с производства на население и социальную сферу. Согласно М. Д. Шарыгину и соавторам [21], ядром регионов является человек и территориальные общности людей (ТОЛ). В большей части работ рассматривается многообразие демографического развития, а региональные исследования имеют целью анализ особенностей воспроизводства населения с использованием междисциплинарного подхода на стыке экономики, социологии, социальной демографии, психологии, политологии и т. д. Рядом авторов в качестве нового методологического направления предложена концепция территориального социально-экономического поведения (далее ТСЭП), порождающего динамику не только социально-экономических, но в значительной степени и политических, и социокультурных процессов, устойчивость ментального и поведенческого порядка в жизни местных сообществ [8; 19]. В данной интерпретации факторов и субъектности трансформации региональной территории в тени остаётся целый ряд существенных характеристик инновационных перемен на локальном уровне, актором которых является местное сообщество.

10 При этом подчёркивается тенденция сжатия и довольно медленный темп социальной мобильности местных жителей из-за сдвига в системе доминирующих ценностных с ориентацией на ценности общества потребления, что и служит фактом тренда к сокращению общей численности населения региона и социальному опустыниванию части территорий. Общественное развитие происходит не только за счёт действия законов рынка и конкуренции, но и за счёт коллективно-организованной деятельности, которая мотивируется разнообразием хозяйственной деятельности людей и их интересов и потребностей. На фоне смены пространственного сокращения и даже исчезновения традиционных экономических практик происходит размытие оснований, удерживающих жителей в своём крае, локальной местности. Безусловно, это важные основания для роста миграции и смены жизненной ситуации для многих жителей слабозаселённых территорий [8].

11 Как более общий результат территориального социально-экономического поведения всё-таки главную роль играет демографическое поведение, сложившееся как результат взаимодействия факторов природной и социальной среды. Демографическое поведение как географическая категория представляет собой результат взаимодействия природной и социальной составляющей в территориальном пространстве, направленное на изменение или сохранение его демографического состояния [4]. Под ним подразумеваются действия населения, связанные с воспроизводством и миграцией населения, а также социальной мобильностью. Исследование демографического поведения как географической категории играет существенную роль в определении основных направлений демографической политики, касающейся отдельных макрорегионов Российской Федерации. Особенно важным вопросом становится демографическое поведение не признанной официально социальной группы людей, называющих себя дальневосточниками.

12 В социально-культурном пространстве ресурсных регионов России формируется устойчивая невосприимчивость к новым ограничителям их экономического развития. В них естественным образом трудно включается весь комплекс форм сложившегося традиционного уклада и спектр внедряемых социальных технологий, инновационных способов хозяйствования в условиях рыночной экономики, квалификация и профессиональное мастерство (качественный потенциал), противоречивых образцов повседневной жизни разных поколений, новые коммуникативные технологии и практики (медиа, социальные сети, мобильная связь), новые формы регионального управления и муниципального самоуправления [8].

13 Демографическое поведение, как закономерный ответ на модернизацию общества, представляет собой результат сформированного демографического потенциала проживающего в регионе населения, определяемый не только массовым оттоком, но и недостаточным уровнем рождаемости и увеличением показателей смертности. Существенно сказывается массовое распространение малодетности (1–2 ребёнка), сближение параметров рождаемости городского и сельского населения, откладывание рождения первого ребёнка, рост внебрачной рождаемости и этнических различий в матримониальном поведении. На демографическое поведение влияет качество жизни, включающее объективные и

субъективные факторы, такие как состояние здоровья, ожидаемая продолжительность жизни, условия окружающей среды, питание, бытовые условия, социальное окружение, удовлетворение культурных и духовных потребностей, психологический комфорт.

¹⁴ На протяжении многих десятилетий формирование населения Дальнего Востока стимулировалось широким набором мер государственной поддержки в целях ускоренного развития здесь производительных сил. Масштабные работы по изучению проблем населения Дальнего Востока, миграции, расселении и экономико-географических условиях проживания проводились Л. Л. Рыбаковским [13], Е. Л. Мотрич [11], А. Демьяненко [5] и др. Высокие темпы роста населения обеспечивались за счёт естественного прироста и миграции, со значительным притоком в регион населения. Решающим мотивом переезда для мигрантов нередко была необходимость удовлетворить самые насущные материальные потребности, получить работу, повысить образовательный уровень.

¹⁵ Трудовые коллективы формировались из мигрантов различными способами привлечения в новый хозяйственный район. Как отмечалось ранее в исследованиях, несмотря на интенсивный в 1970-х гг. приток мигрантов на Дальний Восток, их прибытие не могло в значительной степени облегчить положение с трудовыми ресурсами в регионе, поскольку обратная миграция была ощутимой. Своеобразным экономическим экспериментом и важным результатом стало использование укрупнённых форм перемещения трудовых коллективов при строительстве БАМа. Ни одна крупная программа развития новых районов не имела столь рационально организованного перераспределения рабочей силы, как БАМовская [20].

¹⁶ Делегирование полномочий по формированию контингента работников в новые районы на уровень производственного коллектива позволяло получать значимые социальные и экономические результаты. Стратегической ошибкой можно считать слабое привлечение к новым проектам уже живущего на территории местного населения. Как правило, новые районы служат мощным магнитом, в которых создаются льготные условия оплаты труда и обеспечивается приоритетное трудоустройство для прибывающих мигрантов. Местное население, занятое в традиционных сферах деятельности, редко участвует в этом, что сказывается отрицательно на его психологическом поведении. Постоянное население не привлекается и не принимает участия в строительстве, поэтому формируется ощущение невостребованности. Такая ситуация характерна исключительно для всех локальных территорий, где разворачивается инновационное строительство.

¹⁷ Применявшиеся способы миграции на Дальний Восток сопровождались оценкой её результатов, показывали, что накопленный в регионе демографический и трудовой потенциал не обеспечивал в необходимом объёме его дальнейшее развитие на собственной основе [1; 2; 15]. По статистике, более половины жителей в 1980-е гг. проживали на Дальнем Востоке менее 30 лет [20]. В то же время результаты другого исследования на локальном уровне показали, что, при значительной внутрирегиональной мобильности, на юге региона стабильно проживало значительно больше населения — до 70 % жителей [14].

18 В результате смены экономической парадигмы, в условиях ограниченного участия государства в судьбе регионов, Дальний Восток перестал быть привлекательным для жителей из других регионов страны. Изменились условия развития Тихоокеанского региона России, происходит активная турбулентность социально-экономической среды, приобретая свойства, близкие к точке невозврата.

19 Социально-экономическое развитие в начале XXI в. внесло много нового не только в отраслевые структуры, но и усилило интерес к проблемам территориальной организации народонаселения. В условиях реформирования стали востребованными работы по развитию рынка труда, новым видам миграции, проблемам воспроизводства населения. Появились исследования, ориентированные на социологию, региональную экономику, обоснование новой регионализации России. Помимо имеющейся традиционной оценки демографической динамики в настоящее время, заметны работы, дающие новые направления региональных демографических исследований [6; 7; 9; 10]. Значительно возросло внимание к изучению демографических проблем с учётом возникших новых факторов глобализации в природно-ресурсной, демографической, экономической сферах [16; 17; 22].

20 Особого внимания в нынешних условиях заслуживает устойчивость демографического поведения населения, ранее сформированного в социуме. Основные качества местного сообщества фиксируются в социальной активности, самоорганизации и социокультурной мобильности, обусловленные условиями проживания местного населения и культурной средой обитания. Очевидно, что при этом складывается устойчивая модель жизненного уклада, хозяйственно-экономического поведения, адаптированного к природным условиям, транспортной удалённости, особого характера соседства, не признанной официально социальной группы людей, называющих себя дальневосточниками.

21 **Результаты исследования.** В целом с 1991 г. по настоящее время население Дальнего Востока сократилось на 23,1 %. Потеряна примерно та треть населения, которая, по оценкам ряда авторов, состояла из первого поколения мигрантов. По отдельным субъектам снижение числа жителей складывается поразному, с трудно объяснимой мотивацией событий. Меньше всего, до 20 %, сократилась численность населения в Республике Бурятия — 6,3 %, Республике Саха (Якутия) — 12,3 %, в Приморском крае — 16,6 %. Сокращение числа жителей от 20 до 30 % произошло в Читинской области — 23 %, в Амурской области — 23,3 %, в Еврейской автономной области — 25,6 %, Хабаровском крае — 27,6 %. Больше всего демографический потенциал уменьшился в Камчатском крае — на 32,8 %, в Сахалинской области — на 34,1 %, в Магаданской области на — на 73,1 % и в Чукотском автономном округе — в 3,4 раза. Региональные диспропорции в качестве жизни нарушают единство экономического пространства государства, ограничивают общественный прогресс, ведут к возникновению угрозы сепаратизма, к осложнению проблемы межрегиональной миграции.

22 Различия в участии населения в пространственной мобильности ведёт не только к изменению численности населения, но и к трансформации половозрастной структуры населения в принимающих и отдающих территориях.

23 Для Дальнего Востока в целом на протяжении длительного времени считалось, что существовавшая миграция пожилых не оказывает заметного влияния на демографическую структуру активных возрастов и на экономическую устойчивость структуры населения. По региону число лиц старшего трудоспособного возраста за 1991–2014 г. увеличилось с 11,0 до 21,1 % [1]. Причём, более высокие темпы роста пенсионеров наблюдались в северных субъектах: в Чукотском автономном округе, Магаданской и Камчатской областях. К концу первого десятилетия XXI в. в возрастной структуре произошло значительное постарение населения.

24 Если снижение доли молодёжи фиксировалось на половину к уровню 1989 г., то число пенсионеров увеличилось в разы: в Камчатском крае — в 3,5 раза, в Магаданской области — в 5,8 раза, на Чукотке — в 7,7 раза. Индекс отношения численности молодёжи к численности людей старшего возраста в регионах по состоянию на 2017 г. варьировал от 0,68 до 1,38. Как результат более высокой рождаемости в Чукотском автономном округе, Забайкальском крае, республиках Бурятия и Саха (Якутия) индекс меньше единицы, в остальных субъектах федерального округа он выше единицы, т. е. наблюдается превышение доли пенсионеров над молодёжью (что говорит об ускоренном старении населения).

25 Пространственная локализация пожилых людей в макрорегионе накладывает свой отпечаток на возрастные особенности миграции из районов Крайнего Севера и приравненных к ним территорий, что не всегда согласуется с ростом доли пенсионеров. Молодые пенсионеры не имеют возможности выехать в более благоприятные по природным условиям местности. Ранее пик миграции пожилых при накоплении «северного» пенсионного стажа был смещён в сторону более ранних возрастов (50–55 лет). В настоящее время в государственных программах, чем меньше финансовых вложений в строительство жилья, для обратного переезда в места выхода пенсионеров, распространения использования вахтового метода в работе северных предприятий, тем большей проблемой становится вероятность выезда в более молодом возрасте. Миграция по северному стажу, по современным оценкам, составляет до 30 % [6; 7]. Местами наиболее желаемого поселения для покидающих северные и восточные регионы являются Москва, С.-Петербург и центральные районы страны. Причины такого поведения имеют социальный характер: масштабное строительство жилья в обоих мегаполисах, где введены в действие социальные пакеты, более качественная и доступная медицинская помощь, расширенные возможности проведения досуга, бытовое благополучие, социальные карты столичного жителя, с возможностью сезонной миграции в летний период в регионы дачного освоения и т. д. В столичных городах оплата труда существенно выше, причём, особо следует подчеркнуть, без районного коэффициента.

26 Сложившаяся в 2010-е гг. демографическая структура населения не оставляет поводов для ожиданий существенного роста численности населения Дальневосточного федерального округа. Кризисная ситуация в экономике, низкий уровень жизни большей части жителей не оставляет поводов надеяться на чудо.

27 После 20 лет превышения смертности над рождаемостью наблюдается относительная стабилизация естественного прироста населения. С 2005 г.

естественный прирост стал положительным в Республике Саха (Якутия), Чукотском автономном округе, впоследствии стал положительным и в других регионах Дальнего Востока [3; 17]. С 2014 г. естественное воспроизводство дифференцируется в округе на несколько групп. Положительные показатели наблюдаются в Сахалинской области, Чукотском автономном округе, Республике Бурятия и Забайкальском крае. Часть территорий имеет нулевые или близкие к нулю показатели естественного воспроизводства (Хабаровский и Камчатский края), Приморский край и Амурская область сохраняют отрицательный естественный прирост.

²⁸ Миграционное поведение в регионе сложилось заметно иначе, чем привычное ранее сложившееся распределение миграционных потоков: север — юг; запад — восток. Отрицательное сальдо миграции полностью формируется за счёт межрегиональных миграционных потоков. На фоне сохранения положительной динамики естественного воспроизводства населения в большей части дальневосточных регионов сохраняется устойчивая миграционная убыль населения, хотя её интенсивность снижается (табл. 1).

²⁹ *Таблица 1* Коэффициент миграционного прироста в 2005, 2012 и 2017 гг. (на 10 тыс. чел.) *Table 1* Migration growth rate in 2005, 2012 and 2017 (for 10 thousand people)

Территории	2005 г.	Территории	2012 г.	Территории	2017 г.
Магаданская область	-180	Магаданская область	-137	Чукотский автономный округ	-132
Еврейская автономная область	-159	Еврейская автономная область	-89	Еврейская автономная область	-119
Камчатский край	-199	Республика Саха (Якутия)	-87	Магаданская область	-97
Сахалинская область	-104	Забайкальский край	-69	Забайкальский край	-74
Амурская область	-100	Чукотский автономный округ	-66	Республика Саха (Якутия)	-48
Хабаровский край	-93	Амурская область	-53	Республика Бурятия	-35
Приморский край	-51	Республика Бурятия	-47	Приморский край	-29
Забайкальский край	-47	Сахалинская область	-31	Хабаровский край	-28
Республика Саха (Якутия)	-28	Приморский край	-6	Амурская область	-26
Республика Бурятия	-26	Хабаровский край	-6		
		Камчатский край	-2		
Чукотский автономный округ	73	–		Камчатский край	17
				Сахалинская область	49
Дальневосточный округ	-80	Дальневосточный округ	-32	Дальневосточный округ	-28

³⁰ С 2005 по 2017 гг. отток населения в целом по округу снижался с -80 до -28 чел. на 10 тыс. населения. По субъектам федерального округа постоянными

«донорами» в другие регионы являются Магаданская область и Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ (с 2005 по 2019 гг.). С низкими значениями оттока населения в 2012 г. были Хабаровский, Приморский и Камчатский края. Камчатский край и Сахалинская область (в 2017 г.) отмечены положительными значениями миграции населения, они в дальнейшем перешли в зелёную зону прироста населения. К 2019 г. северные субъекты, вместе с южной Еврейской автономной областью, сохраняют высокий миграционный отток населения. Но и в самых крупных южных регионах сохранились отрицательные значения миграции. В настоящее время типологические группировки по отдельным демографическим показателям не согласуются с объяснимыми взаимосвязями на региональном уровне. Очевидно, что при этом не прослеживается устойчивая модель жизненного уклада, хозяйственно-экономического поведения, адаптированного к природным условиям, транспортной удалённости, особого характера соседства.

³¹ Экономическая составляющая отраслевой структуры показывает потенциальные возможности складывающейся профессиональной и возрастной структуры населения, влияющей на миграционное поведение и уровень жизни дальневосточников (табл. 2).

³² *Таблица 2* Отраслевая структура валовой добавленной стоимости, произведённой в субъектах ДВФО по зонам хозяйственного развития, 2016 г, в % [12] *Table 2* Sectoral structure of gross value added produced in the subjects of the Far Eastern Federal District by zones of economic development, 2016, in% [12]

	Промышленные виды экономической деятельности		
	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды
Российская Федерация	11,2	17,1	3,6
Республика Саха (Якутия)	48,2	1,3	4,5
Камчатский край	4,9	10,9	5,9
Магаданская область	28,9	1,8	8,6
Чукотский автономный округ	46,5	0,4	10,6
Приморский край	1,1	8,2	2,4
Хабаровский край	5,4	12,3	4,6
Амурская область	16,5	3,7	6,7
Сахалинская область	59,1	2,3	1,3
Еврейская автономная область	1,7	5,1	6,0
Республика Бурятия	4,3	17,6	5,1
Забайкальский край	11,1	3,3	4,3

³³ С одной стороны, появляются утверждения, что мигранты, трудовые ресурсы оказываются невостребованными из-за сложившейся хозяйственной специализации. Это не является решающим аргументом, поскольку в прошлом существовавшие отрасли (рыбная, морской транспорт, горнодобывающая, машиностроение и др.) были акторами для мигрантов из других регионов. Нельзя согласиться с доводами, что низкий уровень социальной обустроенности имеет решающее значение, поскольку более массовая миграция идёт из наиболее обустроенных городских округов, с высоким уровнем образования населения. Для населения более значимыми факторами, формирующими демографическое поведение, являются: социальная справедливость, смена модели использования природных ресурсов, нарастание противостояния федеральных бизнес-структур и регионального бизнеса, распределение поступающего из госбюджета притока инвестиций, влияющих на качество жизни и т. д.

³⁴ Обозначенные проблемы собственного демографического потенциала контрастируют в сравнении с аналогичными, существующими в непосредственной близости, крупными, быстро развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Республика Корея, Япония, Малайзия и др.). Для южных регионов, имеющих коммерческие связи со странами-соседями, важен пример успехов в их развитии, особенно Китая. В настоящее время в Китае строится пятый космодром, на Дальнем Востоке даже первый не введён в эксплуатацию.

³⁵ Сложившиеся внешнеэкономические отношения показали, что коренная перестройка структуры экономики региона с учётом его открытости для взаимовыгодных связей с государствами АТР оказалась односторонней. Поток сырьевых ресурсов увеличился за рубеж многократно. Регион продаёт своим партнёрам невозполнимые природные ресурсы в обмен на потребительские товары, миграции рабочей силы из-за рубежа. Нельзя игнорировать объективный фактор, что отставание Дальнего Востока в развитии может привести к потере потенциальных возможностей сохранения хотя бы нынешних позиций. Восточная мудрость гласит: «На земле без народа, придут народы без земли».

³⁶ Демографическое поведение формируется как результат целого ряда направлений, включая природные и социальные факторы, входящие в ТСЭП. Намеченные проекты строительства новых перерабатывающих производств проводятся полностью за иностранные инвестиции, и без участия местного населения. В основном это китайские вложения, на которых планируется использование китайской рабочей силы, вывоз доходов за рубеж. Дальнему Востоку остаются проблемы деградации территории, экологический ущерб от действия вредных производств на окружающую среду и здоровье населения.

³⁷ Формируется устойчивое сопротивление новым ограничителям их эколого-экономического развития. Назрела необходимость обновления политики в сфере труда, практики социально-трудовых отношений в целях повышения их эффективности, усиления социальной справедливости в экономике и обществе. За главное направление следует принять развитие системы рабочих мест на основе структурной переориентации экономики с сырьевых отраслей на обрабатывающие, а также на сектор высоких технологий [1; 19]. Миграционная политика должна учитывать больше, чем прежде, возрастную структуру

мигрантов, быть согласованной с перспективами социально-экономического развития территории, тесно увязанной с региональной демографической политикой и ориентированной на создание стабильного населения в оптимальных пределах, как это было в 1980-х гг.

³⁸ На социально-экономическое развитие регионов и страны в целом влияние уровня образованности и профессиональной грамотности трудоспособного населения на экономический рост и производительность труда в настоящее время, как показывает практика, не учитывается. Для ускорения развития региона требуется решение проблемы повышения значения региона в сфере образовательных и научных услуг [10; 22]. Рынок образовательных услуг из-за дефицита квалифицированных кадров воспитателей и учителей на сегодняшний день в значительной мере не готов оперативно реагировать на количественные и качественные изменения в спросе на локальном рынке труда, в т. ч. мигрантов из бывших союзных республик.

³⁹ Нужно решить вопрос, за счёт кого и как может быть обеспечен трудовой потенциал [16]. Главный посыл всех уезжающих — это низкая заработная плата, а затем уже социальное обустройство. Если убрать районный коэффициент в ЧАО, получим оплату не более 15–20 тыс. руб. Для горизонтального установления по стране равной оплаты труда работникам одинаковой квалификации, необходимо вывести все начисления по районным коэффициентам за рамки оплаты труда. Они должны быть отдельно фиксированы за счёт федерального бюджета, без налоговых отчислений. Районные коэффициенты рассматриваются как компенсации за низкие социальные условия жизни и должны выплачиваться с момента рождения и весь период проживания в данной местности. Также они доплачиваются к пенсии, и утрачиваются, если люди уезжают за пределы Дальнего Востока.

⁴⁰ **Заключение.** Перспективы демографического развития Дальнего Востока определяются геополитическими и внешнеэкономическими интересами России в данном регионе. За время депопуляции было принято много решений в попытке остановить отток населения, но положительного результата пока не достигнуто. С практической точки зрения формирование в социуме желаемого тренда демографического поведения будет способствовать увеличению притока населения, Стимулом консолидации могут стать социальные гарантии (в занятости, сохранении здоровья, получении образования и повышении квалификации) для живущих в регионе людей, обеспечение высоких стандартов жизни населения.

⁴¹ Только при формировании курса на индустриальное развитие будет востребована демографическая политика абсолютного роста численности населения, с миграционным притоком, меняющим демографическую структуру, с преобладанием более молодых возрастов как условием повышения рождаемости, сокращения смертности, роста продолжительности жизни.

⁴² Как это практиковалось в прошлом веке, все меры демографического регулирования начинали применяться сначала на территории Дальнего Востока, распространяясь в последующие годы в Сибири, на Урале и далее по всей стране,

с необходимой корректировкой. Рост демографического потенциала региона является приоритетной задачей, может стать основой реализации Национальной программы развития Дальнего Востока.

Библиография:

1. Авдеев Ю. А., Сидоркина З. И., Ушакова В. Л. Территориальная структура демографического потенциала российского Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2. С. 16-22.
2. Авдеев Ю. А., Сидоркина З. И., Ушакова В. Л. Тенденции демографического развития в районах российской восточной Арктики // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 3. С. 130-144. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.12
3. Гаврильева Т. Н., Набережная А. Т., Иванова М. А., Никофоров Ф. В. Факторы бедности в Республике Саха (Якутия) // Уровень жизни населения регионов России. № 1. 2019. С. 38-47.
4. Демографическая энциклопедия / Редкол.: Ткаченко А. А., Аношкин А. В., Денисенко М. Б. и др. М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2017. 944 с.
5. Демьяненко А. Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с.
6. Ефремов И. А. Возрастные особенности миграционных процессов на Крайнем Севере России // Демоскоп Weekly. 2011. С. 581-582. URL: [Электронный ресурс]: <http://demoscope.ru/Weekly/2014/0581/anolit06.php>.
7. Карачурин Л. Б., Иванова К. А. Миграция пожилых в России (по данным переписи населения 2010 г.) // Региональные исследования. 2017. № 3. С. 51-60.
8. Козловский В. В. Цивилизационная резистентность к ограничениям эколого-экономического развития территорий Арктической зоны // Глобальные проблемы Арктики и Антарктики. Сб. научн. материалов Всерос. конф. с междунар. участием, посвящен. 90-летию со дня рождения акад. Н. П. Лавёрова / Отв. ред. акад. РАН А. О. Глико, акад. РАН А. А. Барях, чл.-корр. РАН К. В. Лобанов, чл.-корр. РАН И. Н. Болотов. Архангельск, 2020. С. 844-849.
9. Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Рубина А. Е. Региональная демографическая политика как составляющая социального благополучия населения (на материалах Приморского края) // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 4. С.126-136. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00044
10. Мищук С. Н., Аносова С. В. Миграционная ситуация как отражение социально-экономических процессов в Еврейской автономной области // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1. С. 47-54.

11. Мотрич Е. Л. Население Дальнего Востока России / Отв. ред. П. А. Минакир. Владивосток — Хабаровск: Хабаров. краевая типография, 2006. 224 с.
12. Мошков А. В. Региональные особенности промышленной политики в субъектах Дальневосточного федерального округа // Геосистемы в Северо-Восточной Азии: особенности их пространственно-временных структур, районирование территории и акватории. Владивосток: ФГБУН Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2019. С. 57-64.
13. Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 138 с.
14. Сидоркина З. И. Демографические процессы и демографическая политика на российском Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 1997. 128 с.
15. Сидоркина З. И. Территориальная организация и социальная самоорганизация населения в слабоосвоенном регионе. Владивосток: Дальнаука, 2014. 240 с.
16. Современная Россия: географическое описание нашего Отечества. Дальний Восток / Отв. ред. В. М. Котляков, П. Я. Бакланов. М.: Паулсен, 2020. 464 с.
17. Сукнева С. А. Демографический потенциал развития населения Северного региона. Новосибирск: Наука, 2010. 192 с.
18. Татаркин А. И., Васильева Е. В., Чичканов В. П. Карта выбора механизма управления качеством жизни населения региона // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 42. С. 2-14.
19. Чайка Е. А. Система опорных пунктов северного широтного транспортного коридора // Глобальные проблемы Арктики и Антарктики. Сб. научн. материалов Всерос. конф. с междунар. участием, посвящён. 90-летию со дня рождения акад. Н. П. Лавёрова / Отв. ред. акад. РАН А. О. Глико, акад. РАН А. А. Барях, чл.-корр. РАН К. В. Лобанов, чл.-корр. РАН И. Н. Болотов. Архангельск, 2020. С. 692-697.
20. Чичканов В. П. Дальний Восток: стратегия экономического развития. М.: Экономика, 1988. 247 с.
21. Шарыгин М. Д., Балина Т. А., Столбов В. А. Региональная экономика и управление. Пермь: Перм. гос. нац. иссл.-ун-т. 2012. 272 с.
22. Sidorkina Z. I., Ushakova V. L. Demographic potential of the reclamation and development of the Eastern Arctic of Russia // Process Management and Scientific Developments, Materials of the International Conference. Reports in English. Birmingham, United Kingdom, October 14, 2020. Part 2. P. 158-166. DOI 10.34660/INF.2020.85.26.025

Regional features of demographic behavior of the population of the Russian Far East

Zinaida Sidorkina

*Leading Researcher, FGBUN Pacific Institute of Geography FEB RAS
Russian Federation, Vladivostok*

Abstract

In this article, attention is drawn to the problems of demographic development in the Far East. The relevance of the study of the current state of demographic potential is beyond doubt. The low level and quality of life reduce the attractiveness of resettlement for migrants to the federal district for permanent residence. Different socio-economic and natural-geographical conditions create the need to supplement demographic programs, taking into account the peculiarities and conditions of life of the population in the Far East. The possibility of using the concept of "demo-graphic behavior" for the analysis of the current situation is considered. This concept includes: natural reproduction, migration, and social mobility of the population. It is proposed to use demographic behavior as the main trend in the formation of mass behavior, which affects the entire population, regardless of the qualitative composition. It is shown that demographic behavior makes it possible to distinguish common features of population interaction in a separate territory. As a positive example of a policy that forms mass behavior, the results of attracting the population to the region, which were used during the construction of BAM, when the relocation of entire labor collectives was practiced for construction, are given. The results of the author's research on the existing differentiation of demographic indicators are presented. In the conducted typology in reproductive and migration behavior, there are no previously noted natural differences. In the context of differentiation of demographic indicators, depending on the natural resource potential and the level of socio-economic development, possible approaches to solving the accumulated demographic problems are proposed. The directions of stabilization of the demographic potential of the Far East are specified, taking into account the peculiarities of the current structure of the population and the possibilities of overcoming negative trends.

Keywords: population dynamics, demographic potential, quality and standard of living, the Far East

Publication date: 03.11.2021

Citation link:

Sidorkina Z. Regional features of demographic behavior of the population of the Russian Far East // Pskov Journal of Regional Studies – 2021. – Volume 17. No3 /2021 C. 44-57 [Electronic resource]. URL: <https://prj.pskgu.ru/S221979310015014-8-1> (circulation date: 09.05.2024). DOI: 10.37490/S221979310015014-8

